

Лу Цинчуань посмотрел на него и тихо произнес:

— Я... я дошел... Молодой господин Сюй... сегодня, спасибо... спасибо тебе... что проводил меня домой.

Услышав его слова, Сюй Цзюньмо едва сдержал смех, поднял руку и погладил его по голове.

— Цинчуань, ты забыл, о чем мы говорили в ресторане? Я ведь сказал, как ты должен меня называть?

Лу Цинчуань тут же покраснел и пробормотал:

— Цзюнь... Цзюньмо...

— Молодец.

Уголки губ Сюй Цзюньмо приподнялись в нежной улыбке, он одобрительно потрепал его по голове и мягко сказал:

— Ладно, иди скорее домой, отдохни пораньше. Я завтра зайду к тебе.

— Хорошо...

Лу Цинчуань кивнул и уже собирался уйти, но Сюй Цзюньмо снова остановил его.

— Что... что случилось? — спросил Лу Цинчуань, глядя на него.

Сюй Цзюньмо ничего не ответил, лишь быстро подошел ближе и, к удивлению собеседника, слегка наклонился, оставив легкий поцелуй на его лбу. Затем, глядя на него, тихо произнес:

— Спокойной ночи.

— Спокойной... спокойной ночи!

Покраснев, Лу Цинчуань под его нежным взглядом развернулся и поспешил убежать.

Сюй Цзюньмо наблюдал, пока тот не вошел в дом, и только когда в одной из комнат загорелся свет, он повернулся и сел в машину. Однако он не сразу завел двигатель, а достал телефон и набрал номер своего помощника.

— Эй, Фан Цзе, мне нужно, чтобы ты нашел информацию об одном человеке...

На рассвете солнечные лучи пробивались сквозь деревья, освещая извилистую дорогу, по обеим сторонам которой стояли желтые гинкго. Дорога тянулась вперед, и за золотым лесом открывались роскошные особняки в европейском стиле.

Это был район вилл в городе Z, построенный с огромными затратами. Те, кто здесь жил, были либо важными правительственными чиновниками, либо знаменитыми актерами, либо крупными бизнесменами.

Среди этих вилл выделялась одна, чей двор был густо увит плющом. Это был дом семьи Сюй.

Рано утром Сюй Цзюньмо получил звонок от своего помощника, который сообщил, что нужные документы готовы. Сюй Цзюньмо попросил доставить их домой.

Только он положил трубку, как с лестницы спустилась Матушка Сюй.

Она подошла и села рядом, с любопытством спросив:

— Кто звонил?

— Ничего важного, просто попросил Фан Цзе принести кое-какие документы.

Услышав это, Матушка Сюй не стала дальше расспрашивать, но вдруг, словно вспомнив что-то, улыбнулась и посмотрела на него:

— Как вы с Цинчуанем провели время после того, как я ушла?

— Очень хорошо, — улыбнулся Сюй Цзюньмо, вспоминая вчерашний день. — Кстати, — он отложил газету и повернулся к матери. — Мама, я хочу с вами кое-что обсудить.

— Говори.

— Насчет Цинчуаня. Я хочу, чтобы вы больше не вмешивались.

— Что ты... — Матушка Сюй с недоумением посмотрела на сына. — Что случилось? Неужели он тебя чем-то обидел?

— Нет... — Сюй Цзюньмо едва сдержал смех, услышав предположение матери, и объяснил. — Я уже пообещал ему вчера, что помогу вылечить его мать-наставницу, так что...

— А-а... — Матушка Сюй улыбнулась с глубоким смыслом. — Я поняла, ты хочешь завоевать расположение Цинчуаня и боишься, что я перехвачу твою заслугу, верно?

Когда его намерения были так легко разгаданы, Сюй Цзюньмо покраснел до ушей и снова взял газету, делая вид, что внимательно читает, игнорируя мать, которая смеялась до слез.

Немного посмеявшись, Матушка Сюй вдруг серьезно посмотрела на сына:

— Когда я впервые нашла его, я действительно думала только о том, как помочь тебе пережить твой жизненный кризис. Но постепенно я и твой отец поняли, что он... не такой, как другие.

Тут она вздохнула.

— Цзюньмо, Цинчуань... он очень несчастен. Я надеюсь, что даже если ты не полюбишь его, ты не сделаешь ничего, что причинит ему боль...

— Мама, — прервал ее Сюй Цзюньмо, словно говоря ей, а может, и самому себе, четко и ясно.

— Я не причиню ему вреда. Никогда в жизни.

— Хорошо... — Матушка Сюй с облегчением кивнула. — Раз уж ты так говоришь, я обещаю больше не вмешиваться в дела Цинчуаня. Но... его мать-наставница серьезно больна, за границей есть специалист в этой области, твой отец поехал в США как раз по этому поводу. Когда тот врач приедет, мы устроим операцию как можно скорее... Ты не можешь отказаться, когда она выздоровеет, ты и Цинчуань поженитесь, и мы с отцом будем спокойны...

— Понял, — улыбнулся Сюй Цзюньмо и кивнул.

Когда Матушка Сюй поднялась вверх, он повернул голову к свету, падающему на ковер из

окна, и, думая о том, как тот краснел от смущения, почувствовал, как сердце наполнилось теплом.

— Женидьба...

Полчаса спустя помощник Фан Цзе позвонил в дверь виллы Сюй. Сюй Цзюньмо и Матушка Сюй уже позавтракали, она занималась садом, а он пошел в кабинет.

Когда Дядюшка Сюй постучал в дверь кабинета, Сюй Цзюньмо разбирал бумаги, накопившиеся из-за его отсутствия в офисе.

Услышав стук, он, не поднимая головы, сказал:

— Войдите.

— Молодой господин, — почтительно произнес Дядюшка Сюй. — Господин Фан пришел.

— Понял, Дядюшка Сюй, вы можете идти.

— Хорошо.

Дядюшка Сюй слегка поклонился Сюй Цзюньмо, вежливо улыбнулся Фан Цзе и вышел.

Фан Цзе, глядя на мужчину, погруженного в бумаги за столом, поправил золотые очки на носу, закрыл дверь и подошел.

Сюй Цзюньмо, закончив с одним документом, откинулся на спинку кресла и тяжело вздохнул, затем, потирая уставшую переносицу, повернулся к стоящему рядом человеку.

— Ну как?

Фан Цзе положил перед ним толстую папку.

— Все, что вы просили, здесь.

— Отлично, — не поскупился на похвалу Сюй Цзюньмо, протянул руку и взял папку.

Мужчина, получивший комплимент, поправил очки и без эмоций сказал:

— Если бы вы заменили похвалу на премию, в следующий раз я бы постарался еще больше.

Сюй Цзюньмо промолчал.

Согласившись с его просьбой, он отпустил помощника, и в кабинете остался один. Солнечный свет, проникая через окно, падал на стол, создавая теплые блики.

Сюй Цзюньмо смотрел на текст на бумаге, и его пальцы, держащие лист, постепенно белели от напряжения. Слова, написанные там, глубоко ранили его сердце...

Спустя некоторое время Сюй Цзюньмо словно обессилел, обмяк в кресле, и даже дыхание причиняло боль... Оказывается, правда была такой! То, чего он не знал... о прошлом Цинчуаня, было настолько кровавым...

Отец-алкоголик, помешанный на азартных играх, мать, занимавшаяся проституцией и

употреблявшая наркотики, он с рождения был нежеланным ребенком, и если бы не добрая мать и соседи, его бы давно убил пьяный отец.

Зимой, когда ему было четыре года, простуда навсегда оставила его с умственным развитием десятилетнего ребенка. Мать, когда ему было шесть, снова подседа на наркотики и, не выдержав боли, покончила с собой.

А отец, задолжавший огромные суммы, продал его торговцам органами, и если бы не полиция, его Цинчуаня больше бы не было...

Думая о его прошлом, о его сгорбленных плечах, дрожащем теле, испуганных глазах... Сюй Цзюньмо чувствовал, будто его сердце разрывают на части. Он столько страдал в тех местах, куда Сюй Цзюньмо не мог заглянуть, а он как с ним обращался? Холодные насмешки, презрение ко всему, что тот для него делал, и в итоге даже выгнал его из дома...

Сюй Цзюньмо никогда в жизни не ненавидел себя так сильно, как сейчас, он хотел вернуться в прошлое и убить того, кто не разглядел его и так сильно ранил...

— Цинчуань... Цинчуань...

В этот момент он хотел только одного — увидеть его, своего Цинчуаня, крепко обнять, почувствовать его тепло, его сердцебиение, убедиться, что он жив и находится там, где он может его видеть.

Сюй Цзюньмо, как безумный, бросился вниз, даже не переодеваясь, схватил ключи от машины и побежал в гараж.

Резко нажав на газ, машина, словно стрела, исчезла за воротами.

<http://bllate.org/book/16707/1535195>